

Максим Горький

КИРИЛКА

...Когда возок выкатился из леса на опушку, Исай привстал на козлах, вытянул шею, посмотрел вдаль и сказал:

— Ах ты чёрт, — кажись, тронулась!

— Ну?

— А право... как будто идет...

— Гони скорее!

— Э-эх ты, мар-рмаладина!

Коротенькое и толстое животное, с ослиными ушами и шерстью пуделя, от удара кнутовищем по его крупу отскочило в сторону с дороги, остановилось и, перебирая на месте ногами, обиженно закачало головой.

— Н-но, я тебе пококетничаю! — крикнул Исай, дергая вожжами.

Псаломщик Исай Мякинников — уродливый человек, сорока лет от роду. На левой щеке и под челюстью у него росла рыжая борода, а на правой вздулась огромная кила, — она, закрыв ему глаз, опускалась морщинистым мешком на плечо. Отчаянный пьяница, недурной философ и насмешник, он вез меня к своему родному брату и моему товарищу, сельскому учителю, умиравшему от чахотки. За пять часов времени мы не проехали и

двадцати верст, потому что дорога была скверная, а то фантастическое животное, которое везло нас, имело дурной характер. Исай называл его шишигой, жёрновом, ступой и другими странными именами, причем каждое из них одинаково шло к этому коню, метко подчеркивая ту или иную из особенностей его внешности и характера. И среди людей часто встречаются такие же сложные существа, которых как ни назови, всё будет впору, лишь имя человека к ним нейдет.

Над нами нависло серое небо, сплошь покрытое тучами, вокруг распростерлись луга в темных пятнах проталин. Впереди, верстах в трех, возвышались синеватые холмы горного берега Волги, тяжелое небо опиралось на них. Река была невидима за косматой гривой прибрежных кустов. С юга дул ветер, вода в лужах морщилась и гримасничала, в воздухе метался скучный, сырой звук, — хлюпала грязь под ногами лошади...

— Задержит нас река, — говорил Исай, подпрыгивая на козлах. — А Яков не дождется и помрет... тогда из всего нашего странствия выйдет одно бесполезное утруждение плоти... Но ежели мы и застанем его в живых — какая польза? Одна помеха и больше ничего... в час смертный не следует торчать пред глазами отходящего, нужно оставить человека одного, дабы не отводить его взгляда вовнутрь себя на предмет посторонний... В

час смертный человек должен смотреть в глубину своего сердца, а не на пустяки, ибо живой для умирающего есть пустяк и лишний предмет... Положим, оно так уж полагается законом жизни, чтобы у одра предстояли близкие покидающего юдоль сию... но ежели рассуждать с употреблением разума, а не мозгом пяток наших, то опять-таки окажется, что в этом обычае нет пользы ни живым, ни мертвым, а одно излишество в терзании сердца. Живой не должен и вспоминать о том, что есть смерть и ждет его она... Живому это вредно, потому что отемняет радости... Ты, чёртов пест! Играй ногами веселей!.. Н-но!..

Исай говорил однотонно, густым, сильным голосом, и его нелепая, длинная фигура, закутанная в широкий, дырявый рыжий армяк, неуклюже болталась на козлах, подпрыгивая, перегибаясь с боку на бок, кланяясь и откидываясь назад. Широкополая черная шляпа, подарок бабушки, была привязана тесемками под бородой, и ветер бросал в лицо Исайя концы тесемок Псаломщик тряс острой головой, шляпа съезжала ему на глаза, полы армяка раздувались от ветра.

Исай вертелся, ежился, ругался, а я, глядя на него, думал о том, как много человек тратит энергии на борьбу с мелочами. Если б нас не одолевали гнусные черви мелких будничных зол, —

мы легко раздавили бы страшных змей наших несчастий.

— Идет! — уныло воскликнул Исай.

— Видишь?

— Вижу в кустах лошадей, и люди около них... Значит — нет езды!

— Может быть, как-нибудь переправимся.

— Толкуй! Известно, переправимся... когда лед пройдет. А до той поры что будем делать? То-то... И потом — есть я хочу! Так я хочу есть, что даже сказать этого невозможно простым языком. Говорил я тебе — давай закусим...

Нет, вези... На, привез!..

— Есть и мне хочется... Ты ничего не взял с собой?

— Ежели я позабыл! — сердито ответил Исай.

Выглядывая из-за его спины, я видел коляску, запряженную тройкой лошадей, и плетеный шарабан парой. Лошади смотрели навстречу нам, а около них стояли какие-то фигуры: одна высокая, с рыжими усами, в фуражке с красным околышем, другая — в черном длинном сюртуке на меху.

— Земский начальник Суцов, а это мельник Мамаев, — пробормотал Исай вполоборота ко мне и почтительным тоном приказал своему коню: — Тпру, радетель... Опоздали мы, стало быть? — сдвинув с головы шляпу, обратился он к толстому кучеру, стоявшему у тройки.

Кучер хмуро взглянул на его голый яйцеобразный череп и молча отвернулся в сторону.

— Не потрефили, — улыбаясь, ответил купец Мамаев, низенький и полный человек с красным лицом и мошеннически ласковыми глазами.

Земский начальник, облокотясь на крыло коляски, курил и крутил ус, исподлобья поглядывая на нас Тут было еще двое людей: кучер Мамаева, рослый малый с кудрявыми волосами и с огромным ртом, и мужичонка на кривых ногах, в рваном полушубке, туго подпоясанный, перегнувшийся вперед и как бы застывший в поклоне нам. Маленькое, сморщенное лицо его поросло редкой серой бородкой, глаза спрятаны в мешках морщин, тонкие губы сложены в улыбку, и в ней одновременно соединялись почтительность с насмешкой и глупость с плутовством Он сидел на корточках, был похож на обезьяну и, медленно поворачивая голову то туда, то сюда, следил за всеми, не показывая никому своих глаз. Из бесчисленных дыр его полушубка высывались клочья грязной овчины, и вся фигура мужика производила странное впечатление: он казался изжеванным, как будто только сейчас вырвался из какой-то огромной пасти, пытавшейся сожрать его... Высокий бугор песку, за которым мы стояли, скрывал нас от ветра и реку от нас.